Юнь Чжао не думал о причинах, быстро спрятал Аньин в бумажный талисман и зашагал к массиву перемещения.

Он должен отсюда уйти.

Сюань Цзэ ни в коем случае не должен узнать.

В его судьбе три ветки персикового цвета — неужели тебе не страшно?

За пределами башни.

Сюань Цзэ сидел на каменной стене, раздраженно дернув себя за воротник, и ледяным взглядом смотрел на летящую к нему женщину.

На женщине было длинное черное платье, волочившееся по земле, а длинные черные волосы спадали на плечи. На макушке у нее был завязан узел, по бокам которого крепились две цвета индиго шпильки.

На тонких белых щиколотках позвякивали золотые бубенцы в форме цветов.

При ходьбе золотые колокольчики покачивались.

— Калю, недостойная дочь, приветствует Достопочтенного.

Хэлянь Цзялю улыбнулась, слегка прикусив губу. Уголки ее рта тронула легкая улыбка, застенчивая и чарующая, как у не ведающей забот юной девушки.

— Прошлой ночью Достопочтенный ушел в спешке, и Калю не успела попрощаться, но она рассчитала, что сегодня вы придете…

Сюань Цзэ больше всего на свете ненавидел, когда кто-то разговаривал с ним с фальшью.

Он даже в глаза не видел эту женщину.

Сюань Цзэ недовольно перебил ее:

— Ты надоела, катись прочь.

Прошлой ночью он последовал за Аньинем в Лес Скрытого Тумана, чтобы отыскать старшего брата.

Брата на месте не оказалось, тогда он избил Черного тигра, выведал у него местонахождение брата и поспешил уйти.

Кто бы мог подумать, что за ним все равно увяжутся.

Улыбка не сошла с лица Хэлянь Цзялю, она продолжила сама по себе:

— Достопочтенному не стоит беспокоиться о своем спутнике, здесь никто не причинит ему вреда.

— Если ваши люди пойдут туда, Гэ У не станет чинить препятствия и позволит ему напрямую забрать Черного тигра и уйти.

Сюань Цзэ спрыгнул со скалы и со злостью процедил сквозь зубы, больше не в силах сдерживаться:

— Заткнись!

Из-за ее болтовни он даже не мог расслышать, что происходит внутри башни.

Хэлянь Цзялю моргнула и, заметив, что Сюань Цзэ направился к четырехэтажной башне, внезапно произнесла:

— Достопочтенный, а ведь в его судьбе целых три ветки персикового цвета… Разве вам не страшно, что он выберет кого-то другого?

Три ветки персикового цвета?

Сюань Цзэ остановился, бросил косой взгляд на Хэлянь Цзялю, и его зловещий взгляд уже сочился кромешной жаждой убийства:

— Говори толком.

Хэлянь Цзялю прикрыла рот рукой и тихонько хихикнула, ее голос звучал мило и кокетливо:

— Калю сильна в гаданиях, только что я мимоходом раскинула для него карты.

Она протянула руку, и на ее ладони возникло призрачное видение трех персиковых деревьев.

Черного, белого и красного цветов.

Черный и белый персики — увядшие и чахлые, полуживые-полумертвые.

И лишь красный персик возродился из пламени, и на его сгнивших ветках проклюнулись нежно-зеленые побеги.

— Достопочтенный, сейчас как раз ваш шанс.

Глядя на те три персиковых дерева, Сюань Цзэ отчетливо понял, что черный персик — это Лин Е, белый — Шэн Юйань, а красный — он сам.

Сейчас его шанс?

Еще бы.

Только он один остался рядом со старшим братом.

Сюань Цзэ холодно спросил:

— Только три?

Хэлянь Цзялю на мгновение опешила:

— Да, всего три.

Мысленно она сокрушалась:

Мало ему трех, он еще надеется, что возлюбленный окажется всеобщим любимчиком и вокруг

него распустится целая персиковая роща.

Увидев то самое пустившее ростки красно-персиковое дерево, Сюань Цзэ еще сильнее заспешил на поиски Юнь Чжао.

Он взмыл вверх, направляясь к четырехэтажной башне.

Хэлянь Цзялю еще не встречала тех, кто поверил бы ее словам и при этом проигнорировал ее присутствие, поэтому поспешила следом.

Она продолжила мягко усовещивать:

— В ледниках Мира Демонов растет диковинная трава — Трава Младенческого Духа, ее листья прозрачны, но сок имеет молочно-белый цвет.

Говорят, если долго поить мужчин соком Травы Младенческого Духа, они тоже обретут способность давать потомство.

— Раз уж господин любит его и боится, что тот выберет другие персики, почему бы ему не заставить его родить господину ребенка…

Перед глазами Сюань Цзэ промелькнул образ старшего брата с большим животом, его дыхание перехватило, и он, обернувшись, прикрикнул:

— Заткнись.

Он не раз и не два представлял себе, как старший брат рожает ему ребенка.

Связанные узами крови, старший брат больше никогда не сбежит и будет принадлежать ему целиком и полностью.

Но нельзя.

Старший брат есть старший брат.

Он любит старшего брата больше всего на свете, и никакой ребенок ему даром не нужен.

Если старший брат станет матушкой или отцом, в его глазах будет жить не только он один.

Он совершенно не вынесет, если этот ребенок станет главной любовью в сердце старшего брата.

Заметив убийственную ауру исходившую от Сюань Цзэ, Хэлянь Цзялю резко изменилась в лице и торопливо опустила голову:

— Калю сказала лишнее, пусть Достопочтенный не гневается.

Сюань Цзэ сжал кулаки, в его памяти промелькнул то покрасневший уголок глаза старшего брата, то смазливые физиономии Шэн Юйаня и Лин Е.

Он бросил:

— Отдай мне Траву Младенческого Духа.

Сейчас она ему ни к чему, но мало ли что — вдруг старший брат станет упрямиться…

Уголки губ Хэлянь Цзялю тронула улыбка, и она извлекла из-за пазухи небольшой белый фарфоровый флакон:

— Трава Младенческого Духа крайне редко встречается, и этот маленький флакончик — лишь случайная находка Калю.

Сюань Цзэ взял его и небрежно спрятал за пазуху.

Хэлянь Цзялю тихонько произнесла:

— Одного этого флакончика явно не хватит. Достопочтенный, если вы действительно хотите изменить его телосложение…

— Чего ты хочешь?

Сюань Цзэ не был глупцом.

С самого появления Хэлянь Цзялю он понял, что у этой женщины иные цели.

— Я хочу…

Хэлянь Цзялю прижала два сложенных вместе пальца к межбровью, улыбка исчезла с ее лица, и она с благоговением прошептала:

— Калю хочет следовать за Достопочтенным и отныне служить вам как господину.

С этими словами она опустилась на одно колено, подняла лицо и с жаждой уставилась на Сюань Цзэ.

Сюань Цзэ испокон веков привык полагаться только на себя, никогда не любил общаться с посторонними и не заводил слуг.

В Мире Демонов и впрямь не помешало бы найти кого-то смышленого и расторопного, чтобы поручать дела.

— Можно.

Сюань Цзэ без колебаний пустил капельку крови прямо в межбровье Хэлянь Цзялю.

Скрепление кровного союза.

Контракт может быть заключен лишь тогда, когда одна из сторон добровольно склоняет голову.

— Калю будет чтить Достопочтенного Цанмина превыше всего во веки веков.

Хэлянь Цзялю с дрожью поднялась на ноги.

Рабская печать на межбровье обжигала, превратившись в ярко-красный санскритский иероглиф Цан.

Этого дня она ждала слишком долго.

С того самого мига, как она пробудилась, она знала, что должна жить ради «него».

— Собирай побольше Травы Младенческого Духа.

— Без моего зова не смей попадаться мне на глаза, особенно когда мы со старшим братом вместе.

Закончив говорить, Сюань Цзэ торопливо шагнул в башню.

Город Вечной Ночи, Павильон Южного Ветра.

— Молодой господин Тао, лед оставлен у двери.

А-Цянь постучал в плотно закрытую дверь и опустил на пол ведро со льдом, только что принесенное из ледника.

Старший брат Тао Яо впервые пожаловал в Павильон Южного Ветра, щедро швырнул связку монет и притом велел прислуживать именно ему.

Однако за целый день он так и заперся в комнате, даже не позволив ему войти и прислуживать.

Лишь приказал каждые два часа доставлять к порогу по ведру льда.

Неужели он считает его неопытным птенцом?

А-Цянь обиженно надул губы, прижался к двери и постучал еще раз.

— Молодой господин Тао?

— Ах…

У порога вдруг раздался сдавленный, хриплый стон, такой манящий, будто рыболовный крючок.

А-Цянь опешил, и его миловидное лицо мгновенно залилось румянцем.

Что происходит?

Разве молодой господин Тао не один в комнате?

Сцена 16. Погружение в ледяную воду, старший шисюн горько плачет

Дверь приотворилась лишь на узкую щель.

Белоснежная рука высунулась наружу и втащила ведро со льдом; движение было простым, но запястье дрожало вновь и снова.

— А-Цянь…

— Принеси мне… еще ведро… льда.

Юнь Чжао опирался одной рукой о рукоять меча, его голос был хриплым и обессиленным. Он быстро затащил ведро со льдом внутрь и захлопнул дверь.

Он весь промок, а лицо его пылало персиковым румянцем.

Лишь до крови искусав губы, он мог сдерживать рвущиеся наружу стоны.

Между бровей проступили три алых знака, ярких как кровь, а глаза заволокла туманная пелена слез, отчего его полууродливое, полупрекрасное лицо казалось демонически чарующим.

Пошатываясь, Юнь Чжао вывалил весь лед в деревянную кадку и рухнул прямо внутрь.

Он свернулся калачиком в ледяной воде, жадно хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Как жарко.

Который уже день?

Сознание Юнь Чжао затуманилось, он уже не понимал, как долго длится эта мука.

Прежде приступы проклятой печати он переживал, лежа в особой ледяной пещере Долины Призраков, но на этот раз, едва массив перемещения доставил его в Город Вечной Ночи, силы оставили его.

Оставалось лишь поскорее скрыться в ближайшем переулке, выбрав Павильон Южного Ветра, где было меньше всего людей, чтобы переждать.

— Кхм…!

Юнь Чжао в мучениях впился зубами в собственное запястье, издавая беспомощный стон.

Как же невыносимо.

Когда же это закончится?

Почему даже спустя сотню лет он все еще должен сносить терзания проклятой печати?

Как тяжело.

Сознание Юнь Чжао путалось.

Сжимаясь в ледяной воде, он тщетно дрыгал ногами, позволяя кускам льда оставлять царапины на его безобразном теле.

Одна из ран принадлежала его наставнику Пэй Цинчэню, отчитывавшему его за то, что он не смог наставить младших сородичей и опозорил порядки школы.

А другой голос принадлежал ему самому.

Он велел себе больше не терпеть, позвать в комнату А-Цяня, который ошивался снаружи, и позволить ему послужить, чтобы хоть немного облегчить боль.

Слепое терпение принесет лишь еще большие муки.

Ах, Юнь Чжао, раз уж это тело донельзя безобразно, терять все равно нечего.

Все громче звучало множество иных голосов — те самые слова, что говорили его три младших брата, гулким эхом отдавались в его голове.

Шум и гам стояли невообразимые.

За дверью А-Цянь ошеломленно простоял добрых полминуты, пока до его слуха не донесся окрик приятеля с улицы, заставивший его резко прийти в себя.

Он закрыл лицо руками, а сердце в груди колотилось как безумное.

Голос молодого господина Тао звучал так прекрасно.

Куда слаще голосов самых популярных куртизанок Павильона Южного Ветра.

Низкий, полный предельного напряжения, манящий и одновременно отталкивающий.

Молодой господин Тао…

Что же он в конце концов делает в комнате?

А-Цянь шлепнул себя по щекам, сделал несколько шагов, но не удержался, снова обернулся и захотел припасть к двери, чтобы прислушаться к звукам.

Да ну.

Лучше поскорей притащить ведро со льдом.

Глядишь, молодой господин Тао будет в хорошем настроении и позволит ему войти.

А-Цянь повернулся обратно и нос к носу столкнулся со стоявшим перед ним юношей.

— Это ты за ним ухаживаешь?А-Цянь остолбенел, а в следующий миг незнакомец в красных одеждах уже вцепился ему в горло и прижал к опорному столбу в коридоре.

А-Цянь широко раскрыл глаза, уставившись на юношу.

Тонкие черты лица, холодный и суровый взгляд, а на тёмно-красном облегающем костюме — брызги воды.

Хотя этот парень был такого же роста, как и он сам, А-Цянь испытывал такой страх, что не смел поднять на него глаз.

Лицо А-Цяня мгновенно побелело, и он выдавил:

— Ты…

Сюань Цзэ сжал пальцы на шее А-Цяня, изо всех сил сдерживая гнев, и холодно произнес:

— Тот, кто в комнате, велел тебе заходить и прислуживать? Звал ли он кого-нибудь еще?

А-Цянь испуганно затряс головой и, морщась от боли, пробормотал:

— Нет… Он велел мне только… принести колотый лед… Больше никого не звал.Сюань Цзэ разжал руку, взял А-Цяня за воротник и швырнул на пол:

— Проваливай!

Старший соученик не любил, когда он убивал без разбору.

Сюань Цзэ уставился на плотно закрытую дверь неподалеку, облизал губы и постарался усмирить желание прикончить старшего соученика.

Старший соученик сбежал не специально — просто у него обострилась Печать Похоти, и он испугался, что это обнаружится.

Не нужно сердиться.

Старший соученик спрятался в Павильоне Южного Ветра вовсе не для того, чтобы заказывать мальчиков для развлечений, и он никого не пускал в комнату.

Не нужно сердиться.

Сюань Цзэ холодно дошел до конца коридора, перемахнул через перила наружу, ловко отворил окно и проник в комнату.

— Ах… ха…В деревянной баене внезапно вспыхнувший жар от метки заставил Юнь Чжао издать беспомощный стон.

Он поднял руку, намереваясь прикусить запястье, чтобы заглушить этот постыдный звук, но оказался не в силах даже плотно сжать челюсти.

В полумраке комнаты раздавались сдавленные, тихие всхлипывания — совсем не манерные, но от них у Сюань Цзэ мгновенно покраснели уши.

— Старший брат.

Он быстрым шагом подошел к деревянной бадье и увидел лишь, как Юнь Чжао, свернувшись калачиком, сидит в ледяной воде. Его длинные волосы растрепались, а белые одежды насквозь пропитались влагой.

Лицо алело, словно его щедро густо нанесли румяна.

Нижняя губа то и дело сжималась и отпускалась, на ней выступили капельки крови — яркое, пугающее зрелище.

Он уже потерял рассудок и даже не заметил, как кто-то вошел в комнату.

— Старший брат.

Сюань Цзэ протянул руку и, не смея произнести лишнего слова, коснулся лица старшего брата.

Он осторожно провел пальцем по контуру носа, глядя на это искалеченное лицо.

Старший брат наверняка сделал это нарочно.

Нарочно испортил себе лицо, нарочно скрыл свою истинную личность.

Но даже так старший брат оставался прекраснейшим из всех.

— Старший брат, я не сержусь.

Глаза Юнь Чжао были крепко зажмурены, по уголкам глаз непрерывно катились слезы, и он вовсе не слышал чужого голоса.

— …М-м…— Принимать ванну с ледяной водой вредно для здоровья.

В голове Сюань Цзэ даже всплыли странные слова, словно подгоняя его.

— Давай я вытащу тебя?

Пробормотал Сюань Цзэ и, дрожа, коснулся в ледяной воде тела шисюна.

Сквозь одежду пальцами ощущались кости.

До чего же он исхудал.

Раньше талия шисюна была такой гибкой.

Настолько гибкой, что сгибалась под любым углом.

Он так любил обнимать шисюна за талию, утыкаться в его объятия и капризничать.

Как же он мог так исхудать, став настолько хрупким, что стоило приложить чуть больше силы — и он рассыплется на куски?

Руки Сюань Цзэ излучали жар, и стоило ему только коснуться Юнь Чжао в ледяной воде, как тот отпрянул, будто от ожога.

— Не надо…

— Братец Тао Яо, в воде очень холодно, давай я вытащу тебя?

— Будь послушным.

Сюань Цзэ попытался поддержать Юнь Чжао за спину и вытащить из деревянной бадьи, но Юнь Чжао резко увернулся.

Юнь Чжао прикусил губу и открыл глаза.

Его зрение затуманилось, он не мог разглядеть чужое лицо и не понимал, что происходит,

заметив лишь смутный силуэт в красных одеждах.

Юнь Чжао хрипло произнес:

— Не… трогай меня.

Это А-Цянь?

Разве вчера А-Цянь был в красной одежде?

В затуманенном сознании Юнь Чжао промелькнула мысль: с чего это А-Цянь самовольно вошел в его комнату и почему он такой непослушный?

— А-Цянь.

— Уйди.

Юнь Чжао перевел дыхание и, прислонившись к краю бадьи, попытался приподняться, чтобы не выглядеть столь жалко.

Сюань Цзэ на мгновение замер.

А-Цянь?

Шисюн принял его за того смазливого мальчишку-служку?

Сюань Цзэ замер на месте, внезапно ущипнув Юнь Чжао за поясницу, и, понизив голос, подражая только что услышанному голосу А-Цяня, мягко произнес:

— Вылезай сначала из воды, хорошо? Позволь мне помочь тебе. В воде холодно, ты заболел.

— Не… нужно.

Юнь Чжао снова задрожал и попытался приподняться, но его тело лишилось сил, и он бессильно рухнул обратно в бадью.

Он закусил нижнюю губу, а уголки его глаз покраснели от обильной испарины.

Его глаза заволокла влажная дымка, они болезненно наполнились слезами, которые никак не могли сорваться вниз.

Казалось, ему было так плохо, что он едва не задыхался.

Сюань Цзэ невольно затаил дыхание, его кадык судорожно дернулся.

В таком виде…

Он источал смертельное искушение, словно приглашая его.

— А-Цянь…Голова Юнь Чжао была погружена в туман, он безумно улыбался, а капли воды с ресниц падали, скользя по его бледной левой щеке, словно следы слёз.

— Уходи…

Сюань Цзэ безмолвно протянул руки и быстро вытащил его из воды.

— Я ничего не слышу.

Проклятая печать между бровей по-прежнему терзала Юнь Чжао. Стоило кому-то обнять его и прижаться к телу «А-Цяня», излучающему тепло, как его охватила небывалая дрожь, заставляя желать, чтобы он…

Эта мысль внушала Юнь Чжао отчаяние.

— Не трогай меня…

А-Цянь — новичок, он не должен тратить свой первый раз на такого человека, как он.

Юнь Чжао тщетно отталкивал его, пытаясь задействовать Демоническую энергию, чтобы вырваться из объятий «А-Цяня», но не мог даже воспользоваться ею, лишь горько заплакал.

Прошло столько времени, но всякий раз, когда проклятая печать активировалась, он всё так же оставался бесполезным и ничего не мог поделать.

Ничего не мог поделать.

— Отпусти…

Юнь Чжао отвернулся, впился зубами в руку «А-Цяня», пытаясь выбраться из его объятий.

— Я переодену тебя.

Сюань Цзэ быстрым шагом подошёл к кровати, уложил его и хотел снять промокшую одежду, чтобы обтереть тело.

Но едва его рука коснулась ворота, Юнь Чжао ухватил его за запястье.

— Не трогай меня, я…

Длинные ресницы дрожали, Юнь Чжао изо всех сил отталкивал руку «А-Цяня», перед его глазами проносились жуткие воспоминания о заточении в Долине Фэнъюэ, и он прохрипел:

— Грязный.

Грязный.

Сюань Цзэ ошеломлённо замер, остановив руку. Что сказал шисюн?

Почему шисюн говорит, что он… грязный?

Сюань Цзэ прикусил губу, нахмурив брови, и вдруг вспомнил — ведь это он сам тогда сказал.

Как-то раз, вернувшись с охоты, он поймал милого духовного кролика и воодушевлённо ворвался в комнату, желая подарить его шисюну, чтобы тот не хандрил целыми днями.

Но, вломившись внутрь, он увидел, что шисюн лежит на полу, весь в беспорядке и грязи.

Следы от синяков на коже ещё не сошли, а губы были искусаны до красноты.

С первого взгляда было очевидно, что над ним надругались.

Он подошёл к шисюну, присел на корточки и, уставившись на его лицо, почувствовал, как глаза наливаются слезами, точно его окатили ледяной водой.

Он хотел было просто уйти, но тело словно сковало — он не мог подняться.

В голове даже всплывали странные слова, словно нечто заставляло его говорить. [Задел на будущее]

Сжав зубы, он опомнился, когда слова уже слетели с губ: «Шисюн, ты такой грязный».

Тогда шисюн безучастно лежал на полу, и лишь спустя долгое время приподнял веки, издавая еле слышный, безжизненный смешок:

— Мм, насквозь грязный.

Разгневанный, он насмерть зажал в руке того духовного кролика и в ярости выпрыгнул в окно.

Краем глаза он заметил лишь, как шисюн с трудом поднялся на ноги, молча подобрал испачканную белую одежду и медленно натянул её на себя. Золотые цепи на его лодыжках звякнули, издав тихий перезвон.

Казалось, с тех самых пор шисюн больше никогда не позволял себя обнимать.

Как бы он ни ласкался и ни капризничал, шисюн больше не хотел прижимать его к себе, как прежде, гладить по голове и разговаривать с ним.

Сюань Цзэ вынырнул из воспоминаний, с прозрением осознав, что шисюн принял те брошенные невзначай слова за чистую монету и именно поэтому отдалился от него.

Во всём виноват он сам.

Он никогда так не думал на самом деле, но тогда словно поддался злым чарам, говоря то, чего не мог контролировать.

Как ни крути, это была его вина.

— Я виноват.

— Прости меня.

— Шисюн, простишь меня?

Сюань Цзэ перехватил запястье Юнь Чжао и, глядя на прокушенные до крови следы от зубов, поднёс руку к губам и легко поцеловал.

С губ хлынул чистый поток Духовной энергии, стирая эти раны.

Юнь Чжао полуприкрыл глаза, перед глазами всё расплывалось, в ушах стоял звон, и в полном помутнении он чувствовал лишь то, что погружен в бескрайнее пламя, а тот, кто держит его за запястье — холоден.

Этот леденящий холод приносил ему облегчение.

Эта прохлада была тем, чего он так жаждал.

Юнь Чжао шевелил губами, силясь заглушить жалобный стон, рвущийся наружу, и охрипшим от мольбы голосом промолвил:

— Уходи…

Убирайся быстрее.

Не оставайся здесь, не смотри на него.

Скоро станет легче, шисюн.

— Шисюн, сейчас тебе меня не прогнать.

— Я совершил тяжкий проступок и должен искупить его смертью. До самой своей смерти ты не сможешь меня прогнать, понимаешь?

Сюань Цзэ терпеливо облизывал ранки на запястье Юнь Чжао.

Демоническая энергия сочилась с его губ до тех пор, пока следы от укусов на запястье Юнь Чжао не исчезли окончательно, и лишь тогда он остановился.

Юнь Чжао ощущал холод на своём запястье.

Он отчаянно жаждал, чтобы этот холод перекинулся на остальные части его тела и наконец положил конец его мучениям.

Как же тяжело.

Как же хочется.

http://bllate.org/book/23524/2540708